

61. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). С. 64.
62. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Екатеринбург, 2000. С. 93.
63. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 185.
64. Урал: век двадцатый. С. 93.
65. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 241.
66. См.: Бакунин А. В. Репрессии. С. 443; Урал в панораме XX века. С. 222.
67. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 185.
68. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). С. 66.
69. Урал: век двадцатый. С. 93.
70. См.: История Урала: XX век. С. 131–132.
71. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 191.
72. Урал: век двадцатый. С. 94.
73. Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале (1930–1936). С. 124.
74. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 239.
75. Там же. С. 240.
76. См.: Батенев Л. М. Горный Урал в российской истории. Екатеринбург, 2003. С. 60.
77. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. С. 189.
78. См.: Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954) // Отеч. история. 1994. № 1. С. 123.
79. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 239.
80. См.: Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954). С. 126.
81. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 338.
82. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). С. 292.
83. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. С. 338.

Игорь Николаевич ДОБРЫНИН —
начальник отдела анализа
политико-правовых вопросов
Представительства Ханты-Мансийского
автономного округа

УДК 316.3:330.12

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА БЛАГОСОСТОЯНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье проблема благосостояния раскрывается через анализ социальных структур общества. При этом акцент делается на характеристике социальных общностей (народ, класс, нация, семья) как центральном звене социальной сферы.

The author analyzing social structures tackles the issues of wellbeing and focuses upon major characteristics of social communities, such as people, class, nation, family as central components of social sphere.

Всесторонне раскрыть проблему благосостояния невозможно без анализа социальной сферы. Это связано с тем, что общество представляет собой не простую сумму отдельных индивидов, а совокупность определенных общностей, которые, имея специфические особенности, находятся между собой и обществом в разнообразных соотношениях. Поэтому социальное благосостояние оказывается в первую очередь характеристикой общественного, а не индивидуального бытия, оно есть достояние социальных общностей и результат коллективных усилий поколений настоящих и прошлых.

Общее определение социальной общности может быть дано следующее. *Общность — это совокупность людей, объединенная исторически сложившимися, устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающая рядом общих признаков (черт), придающих ей неповторимое своеобразие* [1]. Следует подчеркнуть, что поскольку социальная общность есть именно объединение людей, постольку в число социальных общностей нельзя включать ни производительные силы, ни политические институты, ни общественное сознание, ибо все эти общественные явления принадлежат к другим — материальной, политической, духовной — сферам общественной жизни.

В гуманитарных науках выделяют большой спектр социальных общностей: социально-классовые, социально-территориальные, социально-демографические и другие. Центральным звеном социальной сферы (на макро- и на микроуровнях) являются такие социальные общности, как народ, класс, нация, семья, трудовой коллектив. Именно здесь необходимо сосредоточить внимание и проанализировать, как проблема благосостояния преломляется в социальной сфере.

Народ страны — это не внешнее обозначение всего населения общества, а вполне качественно определенная социальная реальность. Наличие в обществе качественной целостности, народной общности суть фактор созидания и важный компонент благосостояния. Основопологающим фактором, конструирующим народ как социальную общность, выступает совокупная деятельность, совместный труд людей, который вырабатывает общее отношение к жизни, общие ценности, традиции.

Другим интегрирующим фактором народа страны является роль людей в исторически прогрессивных преобразованиях, повышении общего уровня благосостояния. Это означает, что общество неоднородно, в нем имеются как силы, заинтересованные в прогрессивных преобразованиях, так и силы консервативные, тормозящие общественный прогресс.

Народ — это такая общность, которая объективно заинтересована в этих преобразованиях и реально вносит наибольший вклад в проведение их в жизнь и преодоление сопротивления реакционных сил. Две объективные характеристики народа как общности — совместная трудовая деятельность и совместная борьба за повышение материального и духовного благосостояния — связаны между собой. Чем более развилось общество, чем ближе оно подходило к своей действительной человеческой истории, тем больше раскрывалось глубокое единство труда и благосостояния. Но народ как социальная общность спланивается, функционирует и на основе определенных духовных факторов. Среди них можно назвать гордость, достоинство человека, чувство солидарности с людьми, ненависть ко всему косному, отжившему, веру в лучшее будущее. К числу духовных факторов следует отнести традиции, характерные для образа жизни, определенные нравственные ценности. «Сознание народа как социального субъекта отличается от сознания других социальных субъектов. Оно, во-первых, более полно и глубоко выражает сознание общества и, во-вторых, включает в свое содержание передовые идеи и взгляды своего времени, выдающиеся ценности духовной культуры» [2]. Таким образом, благосостояние народа невозможно без общности определенных устремлений, интересов, некоторой общности духовного облика.

Если очевидно, что трудовая активность общества по созиданию материально-духовного благополучия выступает объективной основой народа как социальной общности, то является ли этот фактор социально-образующим фактором и для классов? Действительно, общая трудовая деятельность, многообразные контакты, общие ценности, установки, которые складываются в ходе этой деятельности, объединяют людей в класс. Вместе с тем, при рассмотрении классовых общностей акцент делается не столько на совместном труде как таковом, сколько на роли определенной группы людей в общественной организации.

В Древнем Риме слово «класс» использовалось для деления населения на отдельные группы в целях налогообложения. На высшей ступени были богатейшие римляне, на низшей ступени — пролетарии. Платон видел в обществе два крайних полюса материального благосостояния. Аристотель делил общество на жадный высший класс, низший — класс рабов и достойный средний класс, которому можно доверить заботу о всеобщем благе. Значительной вехой в исследовании явилась марксистское учение о классах. Маркс разделил общество на классы, прежде всего, по отношению к частной собственности. Отсюда идея будущего бесклассового общества, основанного на общенародной собственности. Как известно, социалистический эксперимент обнаружил дефекты в системе распределения благ в условиях государственной собственности, что проявилось в расцвете номенклатуры, привилегий, появлении теневой экономики.

Следует подчеркнуть, что именно на уровне социально-классовой дифференциации обнаруживается проблема неравного распределения совокупного общественного благосостояния. Поэтому неудивительно, что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [3]. Вместе с тем, уточняя это хрестоматийное положение классиков марксизма с позиций современного опыта, можно сказать, что спектр классовых отношений исключительно широк.

И действительно, на рубеже XIX–XX вв. в ряде западных стран стали преобладать настроения реформизма, социального партнерства, классового мира. Классовые отношения становились менее конфронтационными, более кооперативными. Одним из первых, кто проявил новое отношение к рабочим в среде предпринимателей, стал американский автомобильный «король» Генри Форд. Он первым установил минимальный уровень заработной платы и 8-часовой рабочий день. Спустя полвека американский промышленник резюмировал, что промышленность не требует человеческих жертв.

Другой представитель класса буржуазии — Фредерик Уинслоу Тэйлор, ставший «отцом научного менеджмента», в своей книге «Научная организация труда» отмечал: «Большинство людей полагает, что основные интересы предпринимателей и рабочих по необходимости противоположны. Научная организация управления, напротив, исходит из твердого убеждения в том, что истинные интересы тех и других вполне совпадают; что благосостояние для предпринимателя не может иметь места в течение долгого ряда лет, если оно не сопровождается благосостоянием для занятых в его предприятии рабочих» [4].

Теоретические доказательства отсутствия «фатальной пагубности» рыночных отношений привел П. А. Сорокин, который, исследуя тенденции имущественных перегруппировок в обществе на основе исторического сравнения, показал несколько моделей перегруппировок на основе имущественного неравенства.

1). Модель Парето, согласно которой «профиль экономической стратификации или частность распределения дохода в любом обществе (первоначальное утверждение ученого) или по крайней мере во многих обществах (более позднее ограничение Парето) представляет собой нечто постоянное и единообразное и может быть выражено логико-математической формулой» [5]. Имущественное расслоение может варьироваться в границах пирамиды. В период первоначального накопления капитала в переходную эпоху к индустриальному обществу пирамида может изменяться, средние слои уменьшаться. Постепенно резкие неравенства доходов сглаживаются и выгоды экономического прогресса улучшают положение всех слоев общества. Любые попытки установить полное имущественное равенство в истории не оправдались.

2). Модель К. Маркса, согласно которой в европейских странах происходит процесс углубляющейся экономической дифференциации. Богатства перераспределя-

ются таким образом, что слой богачей уменьшается, хотя величина богатств этого слоя растет. Средних экономических слоев становится все меньше, они беднеют. Количественно растет число членов низших имущественных слоев, имущественное положение которых все более и более ухудшается. «Узкий слой средних классов, обедневший пролетариат у основания и маленькая группа магнатов капитала на вершине пирамиды — таков профиль экономической стратификации, соответствующий марксистской теории общества» [6]. Реальное развитие общества в дальнейшем показало, что ожидания К. Маркса не оправдались. Сокрушительный удар по теории К. Маркса наносят статистические данные о средних доходах населения в США, Германии, Англии, Японии и других странах. Колебания в относительной доле доходов у разных групп населения не настолько велики, чтобы можно было говорить о постоянном обнищании низших классов, исчезновении среднего класса или тенденции концентрации капитала в руках немногих.

3). Модель «Трапеции» базируется на радикальном изменении пирамидальной формы стратификации. Нет необходимости далеко заглядывать в прошлое, достаточно вспомнить революцию 1917 г. Уничтожение частной собственности, экспроприация денег, национализация банков, производства, домов, земли, выравнивание средних окладов привело к тому, что были отсечены хорошо обеспеченные слои экономического «конуса» России. За счет всеобщего обнищания произошло выравнивание стратификационной пирамиды до формы трапеции. Согласно П. А. Сорокину, «плоскостность» неблагоприятна для развития общества, она носит временный характер. Достигнув определенной точки выравнивания, эта тенденция в дальнейшем приводит к крупным социальным катастрофам. Выравнивание формы стратификации сопровождается «разрушениями экономической жизни общества, еще большим усилением нищеты массы населения, анархией и смертью» [7].

В контексте анализа, проведенного П. А. Сорокиным, можно утверждать, что исчезновение среднего класса в структуре послереволюционной России привело к замене его маргинальными элементами, «классом», лишенным собственности, правовой и экономической защиты своих интересов и человеческого достоинства. Переход маргиналов в средний класс будет происходить по мере возврата исторически утраченных объективных оснований экономической, политической и духовной свободы.

Социальная структура современной России отличается аморфностью. В результате радикальной политики перераспределения собственности, с одной стороны, появились так называемые новые русские, а, с другой, усилился процесс люмпенизации части населения, все больше образуется групп, находящихся на стыках различных социальных слоев. В настоящее время в России формируются два основных класса: собственники и наемные работники.

Собственников можно разделить на крупных, средних и мелких.

Дифференциация наемных работников складывается в зависимости от формы собственности, с которой связан их труд: занятые на предприятиях с государственной, смешанной и частной формой собственности. Третья достаточно крупная социальная группа — лица ненаемного труда. Это владельцы и совладельцы частных предприятий, работающие на индивидуальной основе. Указанная социальная группа достаточно быстро увеличивается.

Разрешить конфликт, при котором одни индивиды получают больше, вторые — меньше, а третьи — совсем ничего, практически невозможно. Конечно, стратификация общества чревата многими негативными последствиями. Люди, которые находятся на социальном «дне», ущемлены и физически, и морально. Можно представить себе самочувствие и отношение к реальному обществу люмпена, безработного, бездомного, голодного человека. Однако именно стратификация заставляет людей проявлять инициативу и предприимчивость.

Таким образом, с одной стороны, дифференциация людей на социальные классы означает ситуацию неравенства в отношении обеспеченности людей социальными благами. С другой, конфликт между классами выступает в буквальном смысле источником повышения общественного благосостояния.

В этой ситуации важная задача государства состоит в принятии мер с целью сглаживания социальных противоречий. Так, неравенство в богатстве может быть основанием компенсирующих преимуществ, и тогда оно справедливо. Например, благодаря высокому прогрессивному налогу, которым облагается богатство. Этот принцип уже долгое время является основой системы социальной справедливости большинства современных стран (Канады, Нидерландов, Норвегии, Швеции и др.).

В некотором отношении он близок принципу справедливости, сформулированному марксистами по отношению к идеальному коммунистическому обществу: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». В соответствии с ним также предполагалось, что люди получают неравное количество благ, но принцип распределения этих благ равно применяется к каждому: «по потребности». Отличие заключается в том, что первая часть формулы как бы гласит: «От каждого (налогов!) сообразно доходам»; а вторая — «Каждому неимущему столько, сколько общество может себе позволить распределить для обеспечения социального минимума благосостояния» [8].

В ряду социальных общностей важное место занимают этнические общности. Человечество насчитывает две-три тысячи этносов, каждый из которых разнообразен по своим характеристикам.

В современном мире практически не осталось этнически чистых государств [9]. Поэтому рост национального самосознания практически везде сопровождается этническими конфликтами. Так что межнациональные конфликты в нашей стране между грузинами и осетинами, армянами и азербайджанцами, молдаванами и гагаузами, русскими и прибалтами, поляками и литовцами не составляют исключения, а развиваются в соответствии с общими тенденциями.

Российская Федерация является одной из самых многонациональных стран мира. Трудно назвать точное число народностей, проживающих в России. Подавляющая часть — свыше 94% — приходится на долю всего 10 крупнейших по численности народов. В отличие от других стран, например США, где люди разных национальностей имеют свою прародину и для них возможна реэмиграция, что и имело место после великой депрессии 30-х гг., в России большинство народов являются коренными жителями.

До начала перестройки для нашей страны был характерен высокий уровень национальной терпимости. По данным опроса, в начале 1989 г. одинаково относились к людям любой национальности 77% опрошенных, для 8,6% национальные вопросы вообще были безразличны. Не надо полагать, что если СССР в его обычном представлении перестал существовать, то и межнациональные вопросы разрешены: все стали суверенными и самостоятельными. Проблемы еще больше обострились: взаимоотношения между коренными и некоренными народами, беженцы, федерализация и дезинтеграция России, Украины, Казахстана и другие [10].

Возвращаясь с эмпирического на теоретический уровень анализа необходимо охарактеризовать нацию как важнейшую социально-этническую общность. Она находит свое выражение в определенном устойчивом объединении людей, в общности их хозяйственной жизни, территории, языка, психологического склада, традиций, культуры. Здесь следует согласиться с Н. Бердяевым в том, что «бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые опре-

деляют нацию как единство исторической судьбы» [11]. Например, человек может и не идентифицировать себя с классом, к которому он объективно принадлежит. Однако это никак не влияет на реальное классовое положение человека. Иное дело национальная общность. Национальная общность невозможна без сознательного причисления индивидов к данной общности.

Связывая проблему благосостояния с проблемой нации и народа, русский философ С. Л. Франк отмечал, что не следует проводить различие между «национальным богатством» и «народным благосостоянием». Различие между накоплением благ и доставлением их народу есть все же лишь относительное различие и оно не имеет реального и существенного значения для действительно богатых наций. Поэтому если «уместно напоминать, что национальное богатство само по себе еще не обеспечивает народного благосостояния, то для нас бесконечно важнее помнить более простую и очевидную истину, что вне национального богатства вообще немислимо народное благосостояние» [12].

Можно сказать, что глубоко прочувствованное и осмысленное понимание сущности своей нации, нерасторжимости своей индивидуальной судьбы и судьбы своей нации играет определенную роль в повышении благосостояния. «Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства» [13].

Общество можно делить на макро- и микросоциальные структуры. Малая социальная группа представляет собой малочисленную по своему составу группу, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном устойчивом общении друг с другом, включающем в себя как эмоциональные отношения, так и особые групповые ценности и нормы поведения. Особо можно выделить такие первичные группы, как семья, трудовой или учебный коллектив, воинское подразделение, объединение в общественной инфраструктуре управления общества.

Первостепенное место среди микросоциальных структур принадлежит семье, которая, как никакая другая социальная общность, предполагает взаимную заботу людей о благе друг друга, что в итоге делает жизнь более благополучной. Семья представляет собой обладающую исторически определенной организацией малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения. Чувство любви, симпатии, определенного стремления друг к другу, взаимопонимание, понимание общих жизненных целей, своей ответственности перед обществом очень сильно проявляются в таких общностях, как семья. Поэтому недооценивать значение семьи в аспекте решения проблем благосостояния крайне опасно для общества.

Поскольку в обществе существует огромное число малых социальных групп, поскольку каждая из них конституируется как отдельная качественная ячейка, постольку складывается и сложнейшая сеть отношений этих групп.

Теоретическое рассмотрение предполагает выделение социальных общностей в виде самостоятельных и самодостаточных единиц. Однако реальная социальная жизнь представляет собой целостность и взаимосвязь социальных структур. Неразрывно взаимосвязаны макро- и микросоциальные общности. Например, классы, нации, народ включают в себя коллективы, семейные общности и т. д. Следует иметь в виду, что роль этих общностей в их взаимодействии неодинакова.

Нельзя согласиться с В. А. Ташковым, который, размышляя о классах и нациях, писал, что «стоящие за этими категориями социальные и культурные процессы

не являются в действительности «объективными силами». Они должны, прежде всего, трактоваться как производные и определяемые опытом отдельных индивидов и групп внутри различных сообществ» [14].

Именно большие группы людей в обществе, законы их структурирования оказывают решающее и определяющее влияние на малые группы. В общей социальной истории они, развиваясь, подчиняются закономерности больших социальных групп, следуют в их фарватере. Даже само изменение общественной роли, удельного веса малых групп осуществляется не в силу их имманентных законов развития, а под решающим воздействием законов макросоциальной структуры.

Убедительной (может быть, и не во всем) является позиция Н. Д. Шиминой, что «корни изменений, происходящих в семье, в конечном итоге лежат в общественных отношениях, связанных с конкретно-историческим типом производства» [15].

В обществе взаимосвязаны большие социальные группы, составляющие макросоциальную структуру общества. Эта взаимосвязь выражается во взаимопроникновении больших групп, ведь в обществе нет такой ситуации, когда одни люди образуют класс, другие — нацию, третьи — народ и т. д. Зачастую одни и те же лица образуют и класс, и нацию, и другие социальные структуры. Это указывает на то, что благосостояние в качестве результирующего явления предполагает внутреннюю гармоничность и внешнее единство основных социальных структур общества.

Таким образом, анализ социальной сферы способствует конкретизации благосостояния как важной индивидуальной и социальной проблемы. Сквозь призму социальных структур общества оно раскрывается в виде особого социального феномена, представляющего не просто совокупность материального и духовного богатства, но особое качество общественной жизни, систему социальных связей и отношений. Поэтому исследование социальной сферы во взаимосвязи с проблемой благосостояния является не только частью современной социально-философской теории, но теоретическим основанием для социальной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 437.
2. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 201–202.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424.
4. Цит. по: Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России. М.; Екатеринбург, 2002. С. 355.
5. Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 315.
6. Сорокин П. А. Там же. С. 317.
7. См.: Сорокин П. А. Там же. С. 331.
8. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М.: Гардарика, 1998. С. 342.
9. См.: Шафранов-Куцев Г. Ф. Социология: Курс лекций. Тюмень, 2001. С. 105.
10. См.: Шафранов-Куцев Г. Ф. Там же. С. 107.
11. Бердяев Н. Философия неравенства // Дон. 1991. № 2. С. 171.
12. Франк С. Л. Этика нигилизма. (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. С. 181.
13. Геллнер Э. Нация и национализм // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 124.
14. Ташков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 7.
15. Шимин Н. Д. Семья как общественное явление. Воронеж, 1989. С. 12.